

Вскоре примчался староста деревни Чэнь Цяошэн. Он наспех накинул верхнюю одежду, обувь надел впопыхах, даже перепутав левый и правый башмак, волосы растрёпаны: видно, его буквально вытащили из постели. Разумеется, он был не в духе.

Подойдя, он увидел, как двое крепких мужчин держат Эр Гоуцзы - тот висел между ними, как дохлая собака: руки и ноги в крови, на голове зияла рана. Чёрный и жёлтый псы сидели рядом - стоило ему пошевелиться, как они тут же угрожающе рычали, готовые снова вцепиться.

Чэнь Цяошэн подошёл ближе и недовольно бросил:

— Что опять за шум?! Неужели ни дня нельзя спокойно прожить?! Вам что, совсем жить надоело?!

Увидев старосту, Эр Гоуцзы, вместо того чтобы утихнуть, упрямо задрал подбородок и начал оправдываться:

— Дядя! Вы должны мне помочь! Я правда не крал деньги! Это щенок из семьи Цинь хочет меня подставить!

Стоило ему назвать его «дядей», как Чэнь Цяошэн будто взбесился - поднял ногу и пнул его по другой, ещё не израненной ноге.

— Чэнь Эр Гоуцзы, ты, ублюдок! Не смей звать меня дядей! Если бы не память о твоих покойных родителях, думаешь, я бы столько лет с тобой нянчился?!

Фамилия у них была одна - Чэнь, но родство уходило далеко в прошлое. Пока родители Эр Гоуцзы были живы, семьи ещё поддерживали связь, и Чэнь Цяошэн по старой памяти присматривал за парнем. Но тот оказался безнадёжным.

Он продолжал ругать его:

— Твои родители были честными людьми! Как у них мог родиться такой никчёмный выродок?! Ничего полезного не делаешь, только и думаешь, как бы напакостить!

Но Эр Гоуцзы не сдавался и продолжал орать:

— Я правда не крал! Я не за деньгами пришёл! Я... я к Лю-гэру пришёл! Этот развратник со мной водился, я к нему и пришёл!

Лю Гуюй ещё не успел ничего сказать, как вдруг сбоку мелькнула тень, и раздался звонкий звук пощёчины.

Ударила... Цуй Ланьфан.

В деревне её знали как мягкую, покладистую женщину, никогда никто не видел, чтобы она повышала голос или злилась. И вот теперь она сама, в ярости, размахнулась и ударила человека. Все остолбенели.

Лю Гуюй тоже замер. Он ещё какое-то время стоял, растерянно глядя на неё.

Цуй Ланьфан тяжело дышала от гнева и сказала:

— У тебя совесть совсем пропала?! Как ты смеешь такое говорить! Для гэра доброе имя дороже всего! Кхе... кхе... ты смеешь так клеветать!.. кхе-кхе-кхе!

От волнения её снова пробил сильный кашель.

Лю Гуюй тут же опомнился, подбежал, поддержал её и, поглаживая по спине, тихо сказал:

— Мама, не сердись... не слушай его!

Цинь Жунши тоже быстро среагировал - вернулся в дом, принёс чашку горячей воды и помог ей напиться.

Зрители были потрясены увиденным, и только Линь Синь-нян первой пришла в себя:

— И правда! Все знают, что этот Эр Гоуцзы любит приставать к девушкам и гэрарам! Такое у него не впервые! Только совсем безмозглый поверит его словам!

На самом деле, никто ему и не верил. Да, раньше он мог позволить себе отпускать грязные шуточки или заигрывать, но чтобы ночью лезть во двор - такого ещё не было. По сравнению с этим версия о краже выглядела куда правдоподобнее. Десять лян серебра для такого бездельника, как Эр Гоуцзы - это деньги, которые он и за семь-восемь лет не накопит.

Подумав об этом, кто-то тут же выкрикнул:

— Староста! На этот раз его нельзя отпускать!

— Верно! Раньше ещё ладно - мелкое воровство, но сейчас он на деньги покусился!

— Да-да! Надо строго наказать!

Толпа загудела в один голос. Даже если бы Чэнь Цяошэн хотел его прикрыть, теперь это было невозможно. Да и сам он уже устал, прежние связи с семьёй Эр Гоуцзы почти исчерпались.

Он заложил руки за спину, нахмурился, подумал немного и наконец сказал:

— Закрыть его в храме предков на три дня! И дать пятьдесят ударов палкой! За эти три дня кроме воды, ничего не давать! А потом собрать деревню, пусть все посмотрят и запомнят, чтобы впредь никто не смел воровать!

Услышав это, Эр Гоуцзы завыл. Раньше его уже наказывали - заставляли стоять на коленях или работать на мельнице для всей деревни. Но вот бить - такого ещё не было. А в деревне хватало тех, кто его терпеть не мог, если уж начнут бить, то точно не пожалеют.

Он заплакал, собираясь просить пощады, но не успел и слова сказать - Чэнь Цяошэн уже бросил на него суровый взгляд и холодно произнёс:

— Чэнь Эр Гоуцзы! Это в последний раз. Ещё раз, и не обижайся, я не стану щадить память о твоих родителях. Просто выгоню тебя из деревни!

Эр Гоуцзы замолчал. Это было страшнее побоев. Если его выгонят, он станет бродягой, а такая жизнь хуже некуда.

Он не осмелился больше спорить. Двое мужчин утащили его в храм предков и заперли там. На этом всё закончилось.

Чэнь Цяошэн, мрачный и недовольный, развернулся и ушёл домой - ему всё ещё хотелось спать, ведь его подняли среди ночи.□□

Остальные деревенские жители постепенно разошлись, и во дворе осталась только Линь Синь-нян, она, наоборот, выглядела весьма довольной.

Она показала Цуй Ланьфан большой палец и весело сказала:

— Ланьфан, вот это ты молодец! Таких мерзавцев только пощёчинами и учить!

Цинь Жунши вынес три маленьких табурета: один подал Лю Гуюю, другой - Линь Синь-нян, а затем помог матери сесть. Цуй Ланьфан немного посидела и отдышалась, кашель наконец утих. Она всё ещё смущённо краснела. За всю жизнь она никого не била, а тут, в порыве гнева, даже не успела подумать, как уже отвесила пощёчину. Но, надо признать... это оказалось на удивление приятно.

Она неловко улыбнулась.

Линь Синь-нян знала её мягкий характер и не обиделась на её молчаливость, а наоборот, сама продолжила разговор, чтобы разрядить обстановку:

— У вас семья как у меня - дети да слабые женщины. Я тебе скажу: вам тоже собаку завести надо!

Она похлопала двух псов, лежащих у её ног, погладила каждого и продолжила:

— Сегодня ведь только благодаря им всё обошлось! Представь, если бы они не заметили - этот мерзавец бы перелез, и кто знает, чем всё кончилось бы!

От этих слов лицо Цуй Ланьфан побледнело. Она задумалась - мысль показалась разумной, но тут же пришла другая: в доме и так нечего есть... чем кормить ещё и собаку?

Линь Синь-нян тем временем продолжала:

— У моей Ахуан щенки скоро будут. Если хочешь, я тебе выберу одного получше! Эти мои - не простые, я специально через брата у охотника брала. Умные, преданные, и при этом с характером!

Цуй Ланьфан ещё не успела ответить, как у Лю Гуюя загорелись глаза. Он оживлённо спросил:

— Даже будучи беременной, она такая грозная?

Пока взрослые разговаривали, во дворе снова стало тихо, и из дома выбежала Цинь Банбань. Она тут же присела рядом с Лю Гуюем и, сияя, принялась гладить обеих собак сразу, явно получая огромное удовольствие.

Лю Гуюй тут же сказал:

— Берём, берём! Тётушка, как только у Ахуан будут щенки, обязательно скажите нам!

Линь Синь-нян рассмеялась:

— Ну конечно! Первыми вам скажу, выбирайте любого!

Лю Гуюй тоже не удержался - погладил псов, переглянулся с Цинь Банбань, и оба сразу поняли друг друга без слов.

Лю Гуюй: щеночки... эх, какие милые!

Цинь Банбань: ещё погладить... какие хорошенькие!

Даже Цинь Жунши добавил:

— Собака для охраны двора - действительно хорошая идея.

Он прекрасно понимал, что семья живёт бедно, но сегодняшний случай его всерьёз напугал.

Видя, что дети хотят, а особенно учитывая, что Лю Гуюй сегодня сильно пострадал от клеветы, Цуй Ланьфан не смогла отказать. Она тут же закивала и несколько раз поблагодарила. Немного поболтав, Линь Синь-нян позвала своих собак и ушла в соседний двор.

Эр Гоуцзы продержали в храме предков три дня. Его молодая жена, узнав о случившемся, так разозлилась, что за всё это время даже воды ему не принесла. На четвёртый день его вытащили наружу - он выглядел, как полумёртвая собака. Но староста не смягчился: велел дать ему воды, накормить лепёшкой и всё равно приказал исполнить наказание.

Пятьдесят ударов без поблажек. Крики Эр Гоуцзы разносились по всей деревне.

Когда с этим было покончено, история наконец улеглась, и Лю Гуюй смог заняться своим главным делом - зарабатыванием денег. Он всё тщательно обдумал и решил сначала попробовать продавать на ярмарке два вида угощений: боцзайгао (паровые рисовые пирожки в формочках) и ледяное желе из фикуса - бинфэнь. Он уже осматривал рынок в городе и не видел ничего подобного, значит, новинка должна пойти хорошо.

Пока он не говорил семье о своей затее: опасался, что Цуй Ланьфан не одобрит. Решил сначала приготовить, дать попробовать, а там, возможно, она и согласится.

Лю Гуюй возился на кухне, а Цуй Ланьфан с Цинь Банбань помогали ему. Цинь Жунши тем временем сидел во дворе и рубил бамбук. Для боцзайгао нужны были формы, а подходящих чашек в доме не было, вот Лю Гуюй и придумал сделать их из бамбуковых трубок.

Глядя, как Лю Гуюй щедро сыплет то крахмал, то сахар, Цуй Ланьфан не выдержала и спросила:

— Лю-гэр, что ты вообще делаешь? Столько продуктов переводишь...

Лю Гуюй лишь хитро улыбнулся:

— Мама, сейчас увидишь!

Поняв, что он не собирается раскрывать секрет, Цуй Ланьфан больше не расспрашивала, но время от времени бросала на него взгляды, и всё равно сердце сжималось от того, как щедро он расходует припасы.

Цинь Банбань тем временем занималась персиками: мыла, украдкой съедала кусочек, чистила, снова съедала, резала... и опять пробовала.

Лю Гуюй будто чувствовал всё спиной - обернулся и с беспомощной улыбкой сказал:

— Банбань, хватит есть! А то потом ужин не влезет.

Девочка, как раз собиравшаяся сунуть в рот кусочек, застыла.

— ...Поняла, — пробормотала она, покраснев.

Цуй Ланьфан только покачала головой и с улыбкой сказала:

— Ну и девчонка!

Видя, как она ходит рядом, хочет помочь, но не знает как, Лю Гуюй подумал и достал высушенные вчера семена фикуса. Он завернул их в ткань, налил воды в таз и начал учить Цуй Ланьфан делать бинфэнь.

— Откуда у тебя столько выдумок, а? — с улыбкой спросила она, работая руками.

Лю Гуюй на мгновение замялся, затем ответил:

— Раньше в книгах читал. У моего отца была большая библиотека, всякого там полно было.

Как раз в этот момент в комнату вошёл Цинь Жунши с несколькими уже обработанными и вымытыми бамбуковыми трубками. Он только переступил порог и услышал последние слова Лю Гуюя.

Цуй Ланьфан не увидела в этом ничего странного, наоборот, с одобрением сказала:

— Вот оно как! Учёные люди - они всё знают... О, эрлан пришёл! Мы тут как раз про твоего учителя говорили!

Под «учителем» имелся в виду отец Лю Гуюя, Лю-сюцай. Получив степень сюцай, он не стал продолжать экзамены, а вернулся в деревню и открыл частную школу, где обучал детей грамоте. Именно там Цинь Жунши сделал свои первые шаги в учёбе.

Глаза Цинь Жунши чуть дрогнули, и он, будто из любопытства, спросил:

— Какая это книга? Звучит интересно. Как называется?

— А? — Лю Гуюй растерялся и поспешно ответил: — Давно это было... уже не помню.

— Вот как... жаль, — тихо сказал Цинь Жунши.

— Ха-ха-ха... — неловко рассмеялся Лю Гуюй.

По его явно виноватой улыбке любой сообразительный человек понял бы: он опять всё выдумал.

...ни одного честного слова.

Цинь Жунши как раз подумал об этом, но тут же обернулся и увидел, что его мать с искренним сожалением говорит:

— И правда жаль... но столько лет прошло, неудивительно, что не помнишь.

Цинь Жунши: «...»

Ладно. Пусть будет так, если им от этого легче.

Лю Гуюй решил, что всё благополучно сошло с рук, и снова занялся делом. Он приготовил основу, добавил персиковое пюре, которое сделала Банбань, и начал готовить боцзайгао на пару. Вообще-то традиционно используют рисовую муку и крахмал, но в их условиях пришлось заменить их тапиоковым крахмалом, результат, впрочем, должен получиться не хуже.

Котёл поставили на огонь, и вся семья - Цуй Ланьфан, Цинь Жунши и Банбань - осталась у очага, не отходя ни на шаг, с нетерпением ожидая, когда это необычное угощение будет готово.□

*Боцзайгао - это традиционный китайский паровой десерт, который готовят и подают прямо в маленькой керамической (или металлической) пиалке, отсюда и название

Бинфэнь - это прохладный, желеобразный кисель, который едят исключительно холодным, как десерт

<http://bllate.org/book/17177/1612963>